

— Верь или не верь, как хочешь! — с раздражением произнес Тун Ичжэнь.

— Как захочется? Тогда уж точно не поверю! — Цзянь Хань усмехнулся с явной насмешкой, словно намеренно доводя собеседника до бешенства.

— Ты...

— Неужели наша невестка разозлилась? Но почему? Ведь это ты сама ведешь себя неподобающе, нарушаешь семейные правила. Я, зная об этом, не донес на тебя, тем самым укрывая твои проступки и рискуя быть наказанным. И вот теперь ты еще и так со мной обращаешься? Невестка, ты действительно плохая женщина.

Тун Ичжэнь стиснул зубы, сдерживая себя. Говорить дальше было бесполезно — он все равно не сможет переубедить собеседника.

— Невестка наконец поняла, что неправа? Тогда покорно позволь мне обыскать тебя. Если я убедюсь, что у тебя действительно больше нет денег, то сохраню эту тайну, — С этими словами Цзянь Хань положил руки на плечи Тун Ичжэня.

— Нет! — Тун Ичжэнь резко вскрикнул, схватив запястья Цзянь Ханя.

Цзянь Хань не стал проявлять настойчивости, лишь с усмешкой смотрел на него, в глазах мелькнул скрытый огонек.

— Невестка, ты совсем не искренна. Раз ты противишься обыску, значит, все еще прячешь деньги, да?

— Нет, у меня действительно больше нет денег.

Тун Ичжэнь не мог позволить себя обыскать. Если Цзянь Хань узнает, что он мужчина, последствия будут куда серьезнее, чем просто несколько дней в буддийской молельне.

Тун Ичжэнь начал нервничать. Его объяснения Цзянь Хань попросту игнорировал. Если бы он не переодевался в женскую одежду, то, возможно, и позволил бы себя обыскать. В конце концов, это он сам соврал, чуть не забыв о правилах семьи Цзянь.

Он чувствовал себя одновременно и взволнованным, и раздраженным, но больше всего — беспомощным.

— Все так и есть, у меня действительно больше нет денег.

— Невестка, слова — это одно, а доказательства — другое. Ты совсем не проявляешь искренности, — Цзянь Хань поднял бровь, продолжая настаивать.

— Чего ты хочешь? — Тун Ичжэнь задумался на мгновение, затем сунул руку в карман, вывернув его наизнанку, чтобы показать, что там пусто. — Вот, видишь? Здесь ничего нет. Доволен?

Цзянь Хань внимательно осмотрел его с ног до головы, но выражение его лица оставалось неудовлетворенным. Тун Ичжэнь чувствовал себя все более неуверенно и раздраженно под его взглядом.

— Цзянь Хань, не перегибай палку. Я все сказал и все доказал. Я больше не собираюсь участвовать в этом безумии.

Тун Ичжэнь оттолкнул Цзянь Ханя и направился к двери, но тот внезапно обхватил его сзади.

Тун Ичжэнь чуть не подпрыгнул от неожиданности. Губы Цзянь Ханя почти касались его уха.

— Невестка, ты думаешь, что сможешь просто сбежать? Ты считаешь меня таким легковверным? Такой хитрый человек, как ты, конечно, не станет прятать деньги в карманах одежды. Наверняка они спрятаны... — Он начал двигать рукой к груди Тун Ичжэня.

Дверь с грохотом распахнулась, и в комнату вошел официант, бормоча себе под нос:

— Кажется, в этой комнате кто-то есть...

Тун Ичжэнь воспользовался моментом, наступил на ногу Цзянь Ханя и вырвался из его объятий. Он врезался в официанта и выбежал из комнаты.

Цзянь Хань нахмурился. Нога действительно болела после того, как на нее наступили. Он не стал преследовать Тун Ичжэня, лишь спокойно вышел из комнаты под удивленным взглядом официанта.

Тун Ичжэнь, едва держась на ногах, выбрался из той комнаты. Он был настолько растерян, что даже не помнил, как оказался за пределами ресторана. Он знал, что Цзянь Хань будет продолжать его дожимать, но не ожидал, что тот дойдет до такого унижения.

Почему все так сложилось? Цзянь Хань, вероятно, все еще ненавидит его? Может быть, он никогда не сможет его простить? Вспоминая прошлую жизнь, когда они уже были взрослыми, ненависть Цзянь Ханя к нему не уменьшилась ни на йоту.

Тун Ичжэнь глубоко вдохнул. Он не хотел возвращаться в школу. У него были более важные дела. Ему нужно было убедиться, что... Он машинально коснулся своего живота, и в его сознании возникло нежное личико, такое хрупкое, что, казалось, оно растает от одного прикосновения.

В прошлой жизни он заставил этого малыша пройти через столько страданий. Если в этой жизни он все еще существует, Тун Ичжэнь поклялся, что сделает все возможное, чтобы возместить ему все. Он приложит все усилия, чтобы исправить свои ошибки.

Когда Цзянь Хань вернулся домой после школы, уже наступило время ужина. Войдя в дом, он, как и ожидал, увидел только свою мать, Су Лань. Увидев сына, она улыбнулась.

— Сяо Хань вернулся! Пойди помой руки и садись ужинать. Ты сегодня немного задержался, я уже ждала тебя.

Цзянь Хань переоделся, помыл руки и сел за стол.

— Папа снова не придет ужинать?

— Не обращай на него внимания. Ты же знаешь, как он занят на работе. Давай сами поужинаем, — В голосе Су Лань звучала легкая досада, когда она упомянула мужа.

Цзянь Хань взглянул на место, где обычно сидел Тун Ичжэнь, но ничего не сказал.

Су Лань положила ему в тарелку кусочек свиной ребрышки.

— Ешь больше. Я слышала, ты часто играешь в баскетбол в школе. Должно быть, ты много

энергии тратишь.

Цзянь Хань кивнул и молча принялся за еду. Его взгляд снова скользнул в сторону места Тун Ичжэня.

Матушка Лю принесла им еще несколько закусок. Су Лань вдруг вспомнила о чем-то и окликнула ее.

— Матушка Лю!

Матушка Лю поспешно вернулась к Су Лань.

— Мадам, что-то нужно?

— Почему Тун Ичжэнь не спускается ужинать? Ты снова собираешься готовить для нее отдельно? Она всегда так делает: не приходит к ужину, а потом, когда все уже поели, тайком ест. Вечно создает проблемы.

Лицо Су Лань стало мрачным, явно недовольным.

Су Лань никогда не любила Тун Ичжэнь. Когда ее старший сын, Цзянь Хао, тяжело заболел и врачи не смогли его вылечить, семья Цзянь в отчаянии обратилась к магу. Тот сказал, что если они найдут для него детскую невесту, чтобы отвести беду, то он сможет выздороветь.

Однако, когда Тун Ичжэнь уже везли в дом, Цзянь Хао скончался. Су Лань так и не смогла смириться со смертью старшего сына. Ее горе было настолько велико, что она перенесла всю свою злость на Тун Ичжэня.

Она считала, что именно из-за бесполезности Тун Ичжэня ее старший сын умер. Более того, им пришлось растить его, да еще и заплатить его родителям крупную сумму денег.

Су Лань всегда считала это огромной тратой. Каждый раз, видя этого дармоеда Тун Ичжэня, она вспоминала своего бедного старшего сына и потому относилась к нему с крайней неприязнью, находя в нем множество недостатков.

— Ээ... — Матушка Лю выглядела растерянной, запинаясь.

— Я тебя спрашиваю! Ты не слышишь? — Су Лань нетерпеливо посмотрела на нее.

Лицо матушки Лю стало еще более напряженным, но она все равно ничего не сказала.

— Наверное, она еще в школе. У нее, кажется, какие-то кружки, — Цзянь Хань небрежно бросил, затем взял пельмень с креветкой и положил его в рот, прожевал и проглотил. — Матушка Лю, это ты приготовила? Очень вкусно.

Лицо матушки Лю мгновенно просияло.

— Если молодому господину нравится, ешьте больше. На кухне еще есть. Я сделала их из свежих креветок.

Цзянь Хань кивнул и положил один пельмень в тарелку Су Лань.

— Мама, попробуй. Очень вкусно.

Настроение Су Лань сразу улучшилось, и она тут же забыла о Тун Ичжэне.

— Если даже ты, такой привереда, говоришь, что вкусно, значит, так и есть, — Она взяла пельмень и начала медленно жевать, кивая головой. — Действительно хорошо.

Матушка Лю наконец вздохнула с облегчением, но все же беспокоилась о своей госпоже. Она посмотрела на небо за окном. Уже почти стемнело, а дорога в гору была трудной. Как же она доберется домой?

Совсем стемнело. Когда Тун Ичжэнь вышел из автобуса, у него почти не осталось сил. Его тело все еще было слабым, а ужина он не ел. Теперь, идя по дороге, он едва держался на ногах.

Еще больше его тревожило то, что он не нашел того, кого искал. Того нежного, хрупкого малыша, который, казалось, растает от одного прикосновения. Тот, кто должен был быть там, оказался не на месте.

В прошлой жизни именно туда он отправил малыша. Он сам лично доставил его туда. Если он переродился, то малыш должен был быть там. Но когда он пришел, в доме жили совершенно незнакомые люди.

Может быть, в этой жизни все иначе? Может, он вообще не родил этого ребенка? Шрам на животе снова начал ныть. Такой явный след не мог быть плодом воображения.

Что же пошло не так? Может, он ошибся во времени, и малыша уже перевезли в другое место? Чем больше Тун Ичжэнь думал, тем сильнее болела голова. Он постучал по лбу и глубоко вздохнул, глядя на темную горную дорогу. Он чувствовал себя совершенно измотанным.

<http://bllate.org/book/16646/1525124>